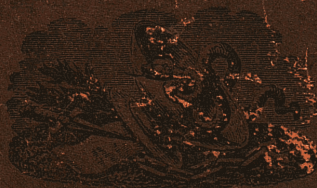

ПАРИЗИНА,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ЛОРДА БАТРОНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико - Хирургической Академии.
1829.

П А Р И З И Н А .

ПАРИЗИНА,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ЛОРДА БАЙРОНА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

Н. КАРЦОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ , чшобы по оппечашаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва ,
Декабря 5 дня 1828 года.

Ценсоръ Сергѣй Глинка.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сія Поэма взята изъ происшествія , о которомъ повѣствуетъ Гиббонъ въ *Древностяхъ Брауншвейгскаго дома*.

« Въ царствованіе Николая III , Феррара содѣлалась оеапромъ прагическаго приключенія. Маркизь Эспскій, по донесенію одного изъ своихъ придворныхъ , увѣрился собственными глазами въ преступной связи супруги своей, Паризины, съ однимъ изъ своихъ побочныхъ дѣшей ,

Гюгомъ (*) Беаши, молодымъ человѣкомъ, извѣстнымъ по своей храбрости и краснѣ. Головы преспуниковъ были опсѣчены по приговору обезславленнаго супруга и опца, огласившаго спыдъ свой, и пережившаго ихъ казнь. »

(Гиббонъ. Смѣсь).

Паризина уже переведена на Рускій языкъ ; но по совершенному несходству моего подражанія съ переводомъ Господина Вердеревскаго я рѣшился представить на судъ чашапелей сей первый опытъ мой въ стихахъ. Я спарался ,

(*) Имена Николая III и Гюга замѣнены именами : Азо и Эльмора.

сколько могъ, сохранишь мысли Автора, но не вездѣ удавалось съ точностію передать его выраженія ; смѣю надѣяться, что мнѣ не пославяшь въ вину нѣкошорыхъ маловажныхъ опсупленій опъ подлинника.

П А Р И З И Н А .

Аврора шихо догорала ;
Прохладный водопадъ шумѣль ;
Луна свой помный лучь бросала ;
Орфей лѣсовъ пѣснь громку пѣлъ.

И вошь младая Паризина
Изъ зámка древняго идешь :
Небесъ ли дивная картина
Прелеспный взоръ ея влечешъ ?
Въ прохладу-ль водъ своихъ сребрисныхъ
Каскады шумъ ея манишь ?
Въ кустахъ ли пышныхъ розъ, душисныхъ,
Щишь аромашъ она спѣшишь ?

Чшо́ слухъ ея шакъ привлекаешъ ?
 Не голосъ ли пѣвца лѣсовъ
 Своею прелью восхищаетъ ?...
 Вдругъ шорохъ слышенъ межъ кустовъ ,
 И Паризина поблѣднѣла ;
 Но жданный голосъ прошепталъ ;
 Румянецъ снова заигралъ :
 Она любви предметъ узрѣла .

Одинъ другимъ они живутъ ;
 Иное : не для нихъ на свѣтѣ —
 Гдѣ наслажденіе въ предметѣ ,
 Тамъ мысли грозныя бѣгутъ .
 Забыто спало преступленье ,
 И голосъ совѣсти молчалъ ;
 Но кто въ любовномъ упоеньи ,
 Не объ одной любви мечталъ !

Сердца опъ вздоховъ изнываютьъ :
 Разлуки время насмаетъ ;
 Имъ шажко — горестъ ихъ гнетешъ ;
 Уста ихъ, слышисъ , замирають .

Но вострепенулися они ;
 Эльморъ въ пріюпъ свой одинокой ,
 Тоской снѣдаемый жеспокой ,
 Идешъ влачитьъ печальны дни . —
 На грудь спокойнаго супруга
 Склоняешъ робкое чело
 Его виновная подруга ;
 Мгновенно счастье прошло !
 Ее встревожили видѣнья .
 Преступницы прерывистъ сонъ , —
 » Эльморъ ! « швердишъ она въ смященьи ,
 И шяжкій выпускаешъ спонъ ;
 Пошомъ супруга обнимаешъ :
 Она въ немъ образъ зришъ иной
 И Князь нарушенный покой
 Своимъ блаженствомъ почишаешъ :
 Онъ поцѣлуемъ пробужденъ .
 Обманушый ея движеньемъ ,
 На спящую взираешъ онъ
 Съ сердечнымъ , радостнымъ волненьемъ .

Но вдругъ Азо запрепешалъ ,
 Какъ будто громомъ пораженный ;

Изъ словъ супруги усыпленной
 Позоръ онъ тяжкій свой позналъ.
 И кто же? сынъ его несчастный,
 Эльморъ, соперникъ Князя былъ;
 Эльморъ! сынъ Бланки нѣжной, спрашенной;
 Собою Князь ее плѣнилъ,
 И Бланка, жертва обольщенья,
 Познала пягошу презрѣнья.

Азо хващаетъ свой кинжалъ,
 Взоръ на супругу успрямляетъ;
 Ее улыбка украшаетъ;
 Кинжалъ изъ рукъ его упалъ.
 Жить Паризина недоспойна,
 И дни ея ужъ сочтены;
 Но въ забытьи, она спокойна —
 Ей радость общающъ сны.

Паспало упрю; вопрошаетъ
 Азо своихъ придворныхъ слугъ:

Все Паризину обвиняешь ;
 Безславенъ ею спалъ супругъ.

Пошомокъ Эшовъ оскорбленный ,
 Уже среди вельможъ своихъ.
 Въ судилище онъ созвалъ ихъ,
 Короной предковъ оскѣненный.
 Уже преслушники предъ нимъ ,
 Уже въ цѣпяхъ Эльморъ несчастный ;
 Онца судьей онъ зришь своимъ ,
 Предвидишь жребій свой ужасный.

И Паризина , въ цвѣтѣ лѣтъ ,
 Блѣдна , какъ дѣвы покрывало ,
 Свою судьбу предузнавала ,
 И въ скорби приговора ждешъ.

Князь гнѣвный взоръ на нихъ бросаешь ,
 И пакъ преслушникамъ вѣщаешь :

«Еще вчера я счастливъ былъ ;
 Супругой, сыномъ я гордился !
 Увы ! я изверговъ любилъ ;
 Супруги , сына я лишился
 И къ жизни мрачной осужденъ.
 Но приговоръ уже свершенъ ;
 Опущенъ домъ Эсповъ оскорбленный
 Эльморъ ! тебя священникъ ждетъ.
 Вечерняя звѣзда взойдетъ —
 И сынъ погибнешъ дерзновенный :
 Воздвигнутъ эшафотъ предъ нимъ !
 Богъ милосердъ: ему молися ;
 Коль можно, съ Небомъ примирися ;
 Но здѣсь намъ мѣша нѣтъ двоимъ ! . . .
 Не мной союзъ нашъ былъ нарушенъ :
 Увы ! я долгу былъ послушенъ.
 И вѣроломная жена
 Узритъ главы швоей падепье ;
 Она опца виною мщенья :
 Пусть имъ любуется она !
 Пусть казни спрашная карпина
 Гласъ совѣспи пробудитъ въ ней :

Позоръ ея сопушникъ дней !

Живи , коль можешь , Паризина !»

Азо умолкъ , попушилъ взоръ ,
 Закрылъ лице свое руками ,
 Свой будпо скрышь хопѣлъ позоръ !
 Эльморъ , спокойными очами ,
 На судію—опца взиралъ
 И смѣло , гордо ошвѣчалъ :
 « Не успрашусь жеспокой казни :
 Я часпо смершь вблизи видалъ.
 Безъ поношительной боязни
 Твоихъ враговъ я поражалъ.
 Я обречень уже судьбою :
 Палачъ главу мнѣ ошсѣчетъ —
 Но крови меньше онъ прольешъ ,
 Чѣмъ за шебя пролипо мною !
 Ты Бланку шяжко оскорбилъ ;
 Я помню машери спраданье ;
 Ея мнѣ спыдъ наслѣдспвомъ былъ :
 Ей смершь была одно желанье !

Но Бланки ужъ на свѣшѣ нѣшъ ,
 И сынъ ея , швой сынъ виновный ,
 Оспавишъ скоро гнусный свѣшъ ,
 Погибнешъ казню позорной .
 Эльмора пролишая гровъ ,
 Несчастной Бланки сердце спрашно
 Твою ко мнѣ и къ ней любовь
Тамъ возвѣспяшъ единогласно !
 Азо ! тебя я оскорбилъ , —
 Но я лишь зломъ за зло плашилъ .
 Ты Паризину полу-мершву ,
 (Хошя невѣсною моей
 Она была опъ юныхъ дней) ,
 Повлекъ во храмъ себѣ на жершву ,
 Супруги шы меня лишилъ ,
 И вмѣспо слова ушѣшенья
 Напомнилъ мнѣ мое рожденье —
 Свою вину шы мнѣ вмѣнилъ .
 Твоимъ я правомъ не владѣю
 Попомковъ славныхъ сѣспъ на пронъ ,
 Но благородшво я имѣю .
 Когдабъ мой вѣкъ былъ продолжень ,

Бышь можешъ, дѣломъ знаменимымъ
 Изъ мрака-бѣ я себя извлекъ—
 Эльморомъ, лаврами покрышимъ,
 Спаль славенъ бы пекущій вѣкъ.
 Тогда-бѣ мой родъ съ швоимъ былъ равенъ :
 Но я бы самъ собой былъ славенъ !
 И кто рожденъемъ знаменишъ,
 Всегда-ль пошъ мужество имѣешъ ?
 Но храбрымъ бышь Эльморъ умѣешъ ;
 Толпа враговъ предъ нимъ бѣжишъ !
 Мнѣ не нужна швоя пощада ;
 Я оправданья не ищу ;
 Въ моей душѣ мученья ада ;
 Я жизнь несносную влачу !
 Ты гордъ, и мною шы гнушался ;
 Меня шы сыномъ не призналъ :
 Но щещно родъ мой опвергалъ —
 Во мнѣ швой образъ опражался :
 Равно какъ шы, суровъ и я.
 Азо ! почшо-жь шы содрогнулся ?
 Такъ и рука сильна моя :
 Топъ мерщвъ , кто насъ въ бояхъ коснулся.

Съ побой, не вѣспѣль на враговъ
 Спремилнсь мы передъ полками ?
 Почпо Эльморъ, сраженъ мечами,
 Тогда не палъ между рядовъ !
 Лишенъ я машери побойю,
 Супруги я побой лишенъ,
 На смерть побойю обреченъ ;
 Но близокъ я уже къ покою !
 Ты мнѣ опецъ ! сваяпыми чшипъ
 Виповный сынъ швой велѣнья !
 Не рощецъ онъ на Провидѣнне :
 Пусшь казнь надъ нимъ оно свершипъ.
 Какъ началъ жизнь, шакъ я кончаю,
 И умираю со сшпыдомъ ;
 Опецъ и сынъ виновны въ шомъ -
 Я за обоихъ потябаю !
 Въ глазахъ людей пресшупникъ я ;
 Но тамъ ! — Творецъ нашъ судя !»

Умолкъ Эльморъ, и мощны длани,
 Крещъ на крещъ, на груди своей

Сложилъ — и спрашный звукъ цѣпей
 Смушилъ безспрашныхъ въ самой брани!
 Но скоро зрѣлищемъ другимъ
 Вниманіе вельможъ прервалось.
 Супруга Князя не перзалась
 Ужаснымъ жребіемъ своимъ;
 Нещасной очи не сверкали,
 Но вѣжды ихъ не закрывали,
 И гробовая бѣлизна
 Чело преспуницы покрыла;
 Недвижима была она,
 Какъ будто въ жилахъ кровь застыла;
 Но изрѣдка слеза изъ глазъ
 Холодной каплею капилась.
 Ударилъ роковой ей часъ:
 Грудь вздохомъ пятоспнымъ сшѣснлась;
 Она хопѣла говорить:
 Изъ успѣ спонъ тяжкій вылепаетъ —
 Казалось, душу онъ вмѣщаетъ;
 Казалось, съ нимъ преспала жинь.
 Когда въ часъ бури съ пѣдеспала
 Въспрѣ сильный спатую сорветъ —

Такъ Паризина вдругъ упала ,
 Какъ будто никогда въ ней свѣтъ
 Живымъ красамъ не удивлялся !
 Какъ мраморъ , такъ мертва она ;
 Но ожила ; — какъ послѣ сна ,
 Взоръ Паризины открывался .
 Свой долгъ могла она забыть ;
 Но ей ли вѣчный спыдъ сносишь !
 Она въ безуміе впадаетъ ,
 Былое все позабываетъ ,
 И горести грядущихъ дней
 Мелькають въ мракѣ Паризинѣ ;
 Такъ молнія , среди ночей ,
 Блискаетъ грозная въ пустынѣ .
 Всѣ Паризины зрятъ позоръ ;
 Безжалостны , какъ духи ада ,
 Въ ихъ взорахъ не видна пощада ,
 Уста ихъ шепчуть ей укоръ .
 Безъ связи мысли въ ней блуждаютъ ,
 И сердце что-то тягошитъ ;
 О казни спрашной воспоминаетъ ;
 Но эшафотъ кому грозилъ ,

Надъ кѣмъ палачъ свершилъ опмщенье —
 Забыло ея; — какъ видѣнье.
 Мелькаешь все въ ея очахъ ;
 Надежда, страхъ въ ней обипаешь ;
 Она смѣется и рыдаетъ ;
 Безуміе въ ея чертахъ.

Гимнъ смерти въ храмѣ раздается . . .
 Задрепешали всѣхъ сердца ,
 Жестокій приговоръ опца
 Изъ устъ въ уста передается.
 На площади народъ шолпой ;
 Безмолвный страхъ имъ обладаетъ.
 Эльморъ колѣна преклоняешь —
 Наспалъ часъ смерти роковой.
 Монахъ склонившисъ предъ Эльморомъ ,
 Надежду вѣры въ сердце льешь ;
 А шамъ — палачъ , съ угрюмымъ взоромъ ,
 Неперпѣливо казни ждешь :
 Любуясь сѣкирой мщенья ,
 Себѣ гошовишь наслажденье.

На землю ниспускалась тѣнь ;
 Последній солнце лучь бросало :
 Почто оно въ сей спрашный день
 Феррару ярко освѣщало ?
 Его прощальный, свѣплый лучь
 Эльмору на главу спустился—
 И, будто молнія средь тучь,
 Въ сѣкирѣ грозной опразился.
 Передъ священникомъ Эльморъ.
 Покаялся, и спалъ молишься ;
 Желалъ онъ съ Богомъ примириться ;
 Его уныло-крошкѣ взоръ ;
 Онъ съ сердцемъ, полнымъ умиленья,
 Молилъ небеснаго прощенья.
 Печаленъ былъ последній часъ ;
 Сердца въ народѣ леденѣли ;
 Казнь ! вопіялъ имъ правды гласъ ;
 Но все ошъ страха цепенѣли.

Несчастный сынъ ! пвой пунь свершенъ ;
 Ужь ты скончалъ свои моленья :

Сознался въ шажкомъ преспуленьи ;
 Опець тобой былъ оскорблень.
 Нешерпѣливою рукою
 Съ шебя палачъ уже сорвать
 Топъ шарфъ , любимый споль тобою ,
 Тебя кошорый украшалъ ;
 Топъ шарфъ , любви залогъ безцѣнный ;
 Ты съ нѣжностью его хранилъ :
 Онъ пылкой спрасни даромъ былъ
 Онца супруги дерзновенной . . .
 Палачъ накинушь ужъ спѣшишь
 Повязку на глаза Эльмора ;
 Но онъ опвергъ се онъ взора ,
 И шакъ ему онъ говоришь :
 « Не допущу я униженья !
 Смерть не спрашна въ моихъ очахъ —
 Не ужаснусь ея мученья ;
 Бряцающъ цѣпи на рукахъ ;
 Но взоръ мой цѣпи не узнаеть —
 Свершай ударъ ! » Съ шѣмъ словомъ онъ
 Чело ко плахѣ преклопяеть ;
 Взмахнутъ палачъ ! — Ударъ свершень .

Молился , мiръ сей оспавляя ,
 Безъ мыслей суешныхъ Эльморъ ;
 Ему ничто вся жизнь земная ;
 Онъ все забылъ , и свой позоръ ,
 И гнѣвъ опца , и Паризину , —
 О вѣноспи онъ помышлялъ ,
 Безъ гнѣва , ропота взиралъ
 На близкую свою кончину .
 Усна невольно онъ опкрылъ ,
 Когда послѣднее желанье
 Изрекъ : « чшобъ взоръ свободенъ былъ » —
 Съ людьми вопъ все его прощанье .

На казнь жестокою взиралъ
 Народъ въ безмолвномъ содроганьи ;
 Но вдругъ ужасное спенанье ,
 Когда палачъ ударъ свершалъ ,
 Изъ зѣмка Эшовъ вылепаетъ ;
 Всѣ взоры къ зѣмку обращающъ ,
 Но стихъ спраданы жалкiй спонъ ;
 Вдохнулъ во всѣхъ желанье онъ ,

Чтобъ вѣкъ злосчастной той скончался,
 Чей спонъ уныло раздавался.

Эльмора нѣтъ ; съ тѣхъ самыхъ поръ
 Не спало Паризины спрасной ;
 Ее ни чей не встрѣшилъ взоръ ;
 Не пожалѣютъ о несчастной ;
 Какъ будто никогда она
 На свѣтѣ семъ и не бывала ,
 И въ ней Феррарская справа
 Азо супруги не видала.
 И Князь изъ успѣ своихъ изгналъ
 Супруги имя вѣроломной ,
 И сына о судьбѣ позорной
 Въ своихъ словахъ не вспоминалъ.
 На вѣчный стыдъ, на поруганье
 Эльмора прахъ онъ осудилъ. —
 Но Паризина? — Не опкрылъ
 Никшо , гдѣ кончила спраданья.

Она , бышь можешъ, мрачны дни
 Скончала въ кельѣ одинокой ,

Бышь можешъ, въ ярости жестокой
Супругомъ прерваны они.

Бышь можешъ, скорбь ей жизнь прервала
Въ шопъ мигъ, когда на казнь, позоръ
Изнеможенный, помный взоръ
Она изъ зámка успремляла.

Ея конецъ сокрышь судьбой ;
Но съ юныхъ лѣтъ она не знала
Чшо радость ; — шакъ и жизнь скончала ,
Какъ начала день первый свой.

Съ другою Князь соединился ,
Имѣлъ сыновъ, и не сравнился
Съ Эльморомъ ни одинъ въ очахъ
Опца ; — Азо не улыбался
При видѣ ихъ, и въ ихъ чертахъ
Эльмора щещно зрѣшь спарался.
Но слезъ онъ никогда не лилъ ,
Князь скорбь свою въ душѣ шайлъ.
И на челѣ слѣды печали,
И думъ морщины начершали.

Дневный ему не ясень свѣтъ ,
 Ночь сна ему не обѣщала ;
 Его душа себя бѣжала :
 Но съ думами разлуки нѣтъ ,
 И время ранъ не исцѣляешь ,
 Когда глубоко мечъ пронзишь ;
 Одну поверхность ледъ стучаешь ,
 Но быспрый шокъ подъ нимъ бѣжишь .
 Напрасно слезы мы скрываемъ :
 Онѣ оправдны для людей !
 Когда мы слезъ не проливаемъ ,
 То сердце ноетъ въ насъ сильнѣй .
 Азо невольнымъ сожалѣнемъ
 И горесью перзаемъ былъ :
 Увы ! онъ жерпвъ своихъ любилъ ,
 Хошя сраженъ ихъ преспулнемъ .
 Въ глубокой спароси своей
 Онъ не имѣлъ оправдныхъ дней !

Когда садовникъ опдѣляешь
 Сухія вѣтви опъ деревъ ,
 То древо снова оживаетъ , —

Приносишь болѣе плодовъ ;
Но если гнѣвный огонь небесный
Дрожащи въпви обожженъ ,
То не пробьется листъ древесный :
Оно засохнешъ , пропадеши .

